

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Документ, представленный на обсуждение (18)

Россия и проблема ХТШ и Хурас ад-Дин

Антон Мардасов, Российский совет по международным делам (РСМД)

Женевский центр политики безопасности (GCSP)

Женевский центр политики безопасности (GCSP) – международный фонд, основанный в 1995 году и включающий 53 страны-участницы. Основной целью фонда является поддержание мира, безопасности и международного сотрудничества путем подготовки руководящих кадров, проведения прикладных политических исследований и диалога. Женевский центр политики безопасности обучает государственных должностных лиц, дипломатов, офицеров вооруженных сил, сотрудников международных организаций и НПО, а также представителей частного сектора, работающих в соответствующих сферах поддержания международного мира и безопасности.

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Данный проект предполагает многосторонний диалог и научные исследования, направленные на создание точек соприкосновения между ЕС, Россией, Турцией и США по трем вопросам: реформы, возвращение беженцев и восстановление. Проект реализуется Женевским центром политики безопасности совместно с Европейским университетским институтом (EUI), Сирийским центром политических исследований (SCPR) и Швейцарским фондом мира (Swisspeace).

Редакторы:

Абдулла Ибрагим, ведущий исследователь проекта

Автор

Антон Мардасов

Антон Мардасов – внештатный эксперт по военным вопросам Российского совета по международным делам (РСМД), специализирующийся на Сирии, Ираке и экстремистских организациях. Автор многочисленных статей, опубликованных российскими СМИ, ряда исследований и разделов книг, посвященных российской стратегии в Сирии и сирийской оппозиции, а также отношениям Москвы с Ираном, Ливаном и Египтом. Публиковал статьи и авторские комментарии в «Аль-Монитор», «Аль-Джазира». «Аш-Шарк аль-Аусат» и других изданиях. Ранее занимал должность консультанта аналитических отделов служб безопасности в двух нефтяных компаниях.

Все содержащиеся в настоящем документе идеи являются исключительно соображениями автора и ни в коей мере не являются мнением издателя.

Опубликовано в ноябре 2020 г.

Все права принадлежат Женевскому центру политики безопасности

В рядах умеренной оппозиции в Сирии воюют выходцы с российского Северного Кавказа, но их меньшинство. Как правило, кавказцы и выходцы из стран СНГ входили в отряды «Исламского государства» или каким-либо образом были связаны с группами, формально подчиненными «ан-Нусре» и позже – ХТШ. Уехавших воевать в Сирию и Ирак условно можно разделить на два поколения. Первое – члены «Кавказского эмирата», откликнувшиеся на призыв салафитских шейхов из арабских исламских центров. Уроженцы Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Туркмении были завербованы на джихад в основном на территории России (большинство из них являлись трудовыми мигрантами) или в различных диаспорах в Европе.

В 2014 году джихадисты, воюющие на стороне сирийских революционеров, разделились из-за провозглашения «халифата». Многие россияне и выходцы из Средней Азии тогда перешли на сторону ИГ, хотя были и те, кто остался воевать в группировках, входящих на тот момент в «ан-Нусру» или связанных с ней. С тех пор заявило о себе второе поколение джихадистов. Большинство из них – этнические дагестанцы или выходцы из Средней Азии, которые уезжали в Сирию и Ирак в основном из крупных городов под влиянием интернет-пропаганды. Однако за последние годы ситуация изменилась: многие выходцы с Кавказа и из стран СНГ погибли в боях или под бомбами. Тем не менее опасность возвращения воевавших в Сирии и Ираке боевиков существует. Они могут стать связующим звеном между спонсирующими экстремизм международными финансовыми структурами и радикальными группировками в России. Однако данные фигуры известны у себя на родине, а передача задержанных между спецслужбами РФ и стран СНГ – довольно распространенная практика.

Как правило, негласно опасность групп «измеряется» их численностью. Однако официальные данные ведомств РФ разнятся, а методика подсчета неясна. Например, непонятно, входят ли в эту статистику те, кто покинул родину еще до начала войны в Сирии и постоянно проживал в той же Сирии, Турции или Европе. Этим фактором пользуются спецслужбы и политики для воздействия на население своих стран. Так, опираясь на законодательство об экстремизме с нечетким понятийным аппаратом, оставляющим огромное пространство для местной инициативы, в России и республиках Средней Азии мусульман похищают, им подбрасывают оружие и наркотики, дают огромные сроки тюремного заключения. Из России эмигрировали тысячи мирных мусульман (проповедники, имамы мечетей, лидеры общин, несколько бывших муфтиев целых российских регионов, исламские активисты и журналисты), опасаясь за свою свободу и жизнь. Они не воевали/не воюют в Сирии и проживают в диаспорах, но на родине могут быть объявлены в международный розыск якобы за участие в вооруженном подполье или за международный терроризм, хотя отъезд многих был сформирован самими российскими спецслужбами в преддверии сочинской Олимпиады.

Здесь важно подчеркнуть, что основная часть чеченцев все-таки приезжала на джихад из Европы и Турции, куда они уехали после первой и второй чеченских войн или под давлением силовиков. Раньше чеченцы предпочитали образовывать свои отдельные группы и как можно дольше сохранять самостоятельность, воюя против войск Асада и шиитского ополчения, чтобы не участвовать в разборках между группировками. Даже в ИГ чеченцы занимали либо командные должности, либо из них формировались отдельные подразделения. Сейчас те мусульмане, которые глубоко изучают ислам и не пытаются просто реализоваться на войне, могут не найти для себя нужного джамаата. Скажем, исламисты вряд ли будут присоединяться к СНА. С точки зрения салафитов, ее руководство – «демократы», которые допускают демократические выборы и правление в Сирии, и не

выступают за «истинно исламское правление». Опасность возвращения воевавших в Сирии и Ираке боевиков существует. Они могут стать связующим звеном между спонсирующими экстремизм международными финансовыми структурами и радикальными группировками в России. Однако данные фигуры известны у себя на родине, а передача задержанных между спецслужбами РФ и стран СНГ – довольно распространенная практика, которая в некотором роде восполняет пробелы, связанные с выдачей чеченцев Сирией в довоенные годы по запросу российских спецслужб.

Тем не менее в настоящее время – после серии пертурбаций внутри оппозиции – российские правоохранительные структуры озабочены деятельностью в Идлибе всех групп, которые так или иначе держат в руках оружие. Логика здесь следующая: для Москвы в принципе нет приемлемых или неприемлемых фракций, в которых есть выходы из РФ или стран СНГ, поскольку лучше, чтобы они не смогли вернуться вообще. Так, озабоченность российских силовиков вызывает и активность, например, Аджнад аль-Кавказ (Батальон Халифата), созданной в 2015 году и состоящей преимущественно из чеченцев, которая действует в Идлибе совместно с ЧВК Мальхама Тактикал. Сюда можно также отнести Лива Ансар аль-Халифа, малоизвестную, хоть и созданную в 2012 году группу. Все источники указывают на ее связь с «ан-Нусрой», хотя по данным источников в самой группе, она представляет собой боевое крыло Хизб ут-Тахрир (при этом формально члены партии занимаются только пропагандистской деятельностью), за которой в РФ тщательно следят.

Большую озабоченность Москвы вызвала активность группы «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар», однако она распалась в 2015 году, а наиболее боеспособные ее части ушли в ИГ. Единственным крупным не связанным с ИГ соединением, состоящим из граждан республик СНГ, остается [«Джамаат Имам Бухари»](#), аффилированная с ХТШ. Что касается угрозы Катаиб Хаттаб аш-Шишани, которая проводит атаки на российско-турецкие патрули, у российских экспертов есть сомнения по поводу ее реального существования. В основном они сходятся в том, что данная группа действует в районах присутствия ХТШ и развернутых турецких пунктов, а значит ее деятельность может послужить формальным поводом для проведения операций в южных районах относительно трассы М4, которые по договоренностям Путина и Эрдогана должны все-таки перейти под контроль Асада.

«Радикальность» ХТШ

В российских государственных СМИ открыто указывают, что вопросы, связанные с оппозицией в Идлибе, находятся в ведении Турции. На это прямо указывал и сам президент Турции, [говоря](#) о том, что Россия обеспечит безопасность за пределами Идлиба, в то время как Турция обеспечит безопасность внутри Идлиба.

Однако Москва, которая позиционирует себя в качестве гаранта территориальной целостности Сирии и главного борца с терроризмом, постоянно при этом дискредитируя успехи США на данном поприще, не может открыто признавать, что Идлиб стал зоной влияния Турции, а следовательно, ее не волнует судьба радикалов.

Официально Москва впервые упомянула о ХТШ только спустя полгода после образования фракции, когда в августе 2017 года начальник Главного управления Минобороны РФ (ГРУ) генерал-полковник Игорь Коробов сообщил, что на территории Сирии образовалась новая структура численностью более 25 тысяч человек, с которой тоже надо бороться. С тех пор действия против ХТШ были основным предлогом для проведения операций и бомбардировок во всех зонах деэскалации. Однако за внешне бескомпромиссной позицией Москвы в отношении альянса ХТШ, на который Россия официально возложила ответственность за [атаку](#) на военную полицию в Хаме и

сбитый Су-25 в Идлибе, стоит очевидное нежелание втягиваться еще сильнее в сирийский конфликт. Так, по данным СМИ, российские военные проводили прямые переговоры с ХТШ в деревне Абу Дали в провинции Хама.

Договоренности Москвы и Анкары, по всей видимости, ориентированы на организацию блокады столицы провинции и прилегающих к ней районов, находящихся под контролем ХТШ или Хурас ад-Дин. Москва довольно активно продемонстрировала свое негативное отношение к проведению в Идлибе военной операции, поскольку для этого потребуется сосредоточить там значительные силы. Возможно, Россия была бы и не против применить серию атак в рваном ритме, вынудив тем самым оппозицию и Турцию отодвинуть силы вглубь Идлиба, однако Турция довольно четко продемонстрировала, что такой вариант не пройдет. Поэтому если Анкара и отступит, то лишь в результате конкретных договоренностей или очередного территориального обмена.

Ответственность Турции за Идлиб

Планы Турции теперь зависят не от договоренностей с Россией, а от общей ситуации на северо-западе Сирии. Достигнутый в Идлибе статус-кво – в первую очередь результат действий турецких военных, зафиксированный на очередных переговорах Путина и Эрдогана, и только потом – результат сотрудничества вроде Аденского соглашения, о котором вдруг удачно вспомнили в Москве, чтобы уйти от неудобных вопросов. Масштаб использования турецких беспилотников в феврале – марте 2020 г. стал беспрецедентным не только по численности развёрнутых БЛА, но и по тактике применения: аппараты выступали в качестве ключевого оперативного элемента огневой поддержки, наблюдения и разведки, причём не только для турецких военных, но и для союзных им групп оппозиции в их наступательных и оборонительных операциях. Впервые в военной истории за БЛА была закреплена роль средства прямого авиационного сопровождения операции в таком масштабе и с такой эффективностью, которые позволили заменить боевые самолеты и самолеты-разведчики. Применение турецких БЛА в Идлибе было разрешено 7 пунктом Сочинского меморандума от 2018 года, поэтому российские средства ПВО и авиация не могли действовать против них.

Так или иначе Турция продемонстрировала и режиму, и Москве, что готова к обострению ситуации ради своих интересов, при этом на такое обострение идти не готова Россия, которая пытается сбалансировать свою роль в конфликте, чтобы достичь компромисс с региональными партнерами. Кроме того, в Анкаре видели попытки Москвы в период обострения ситуации нарастить контакты с ее традиционными оппонентами – ОАЭ, – как по ливийскому, так и по сирийскому треку. Турецкие государственные институты потратили много ресурсов и приложили немало усилий для развития и организации территорий северо-восточной Сирии. Проблема заключается в том, что Турция не имеет четкой политической формулы для сохранения присутствия в этих районах, с которой Москва была бы согласна. Наличие буферных зон, куда возвращается население и где есть неконтролируемые Дамаском вооруженные отряды, – политический козырь, усиливаемый позициями оппозиции, которые Россия хотела бы, наоборот, ослабить. Это стратегическая задача, для которой, очевидно, не выработано конкретного решения. Тем не менее тактически будущее ХТШ сводится к расформированию структуры и отказу от идеологии радикализма с окончательным дрейфом к фракциям, похожим на подразделения Сирийской свободной армии.

Трансформация ХТШ и взаимоотношений группировки с Хурас ад-Дин

Однако здесь надо четко понимать, что борьба с ХТШ и Хурас ад-Дин – фактически табуированная тема в российской академической среде и СМИ. Нейтральный подход к ее освещению может сопоставляться с оправданием терроризма, поскольку здесь довольно много неудобных для Москвы острых углов. Так, российские эксперты склонны избегать публичных дискуссий о том, как проправительственные операции и авиаудары помогли местному населению наладить сотрудничество с ХТШ, руководство которой позиционировало группировку как боевую силу против режима президента Сирии Башара Асада и фактически защиту «сирийской революции». Опытные оперативники «Аль-Каиды», опираясь на выработанную стратегию присутствия организации на других «фронтах глобального джихада», умело организовали военное и экономическое присутствие в Идлибе, однако из-за отсутствия управленческого опыта они не могут контролировать крупные города провинции. Этот пробел в последнее время они [стараятся восполнить назначением не иностранцев, а сирийцев](#) в административных органах, находящихся под контролем ХТШ.

Кроме того, хорошо известно, что на определенном этапе руководство ХТШ и Хурас ад-Дин, нуждающееся в восполнении потерь, даже отказалось от специального «экзамена» для вступающих в группировку кандидатов, где те должны были демонстрировать убежденность в «правильности» идей, методов достижения целей и религиозных основ. То есть группировка стала еще более открытой для вступления сирийцев, от которых не требовалось каких-либо глубоких знаний, что существенно расширило сирийский национальный компонент в группах. Опираясь на этот компонент, руководители ХТШ пытаются предложить / навязать повестку, целью которой является «легализация» движения и ее дальнейшее растворение среди сирийской оппозиции. При этом ХТШ поддерживала мощь за счет контроля контрабандных путей и КПП, что позволяло ей нападать на конвои с гуманитарной и военной помощью для умеренных групп, идущие через переход Баб эль-Хава. ХТШ до сих пор зарабатывает на контрабанде, однако Турция [предпринимает](#) шаги по постепенному отсечению группы от этого источника заработка и пополнения сил и средств.

Если отбросить демонстративные меры, между ХТШ и Хуррас ад-Дин на самом деле не возникало какой-либо серьезной конфронтации: только в последнее время ХТШ под давлением Анкары (и БЛА США) демонстрирует готовность к арестам фигур, связанных с Хурас ад-Дин. Эти структуры можно назвать скорее «двумя сторонами одной медали»: они готовы к тесному взаимодействию, а разногласия между ними искусственно преувеличены боевиками фракций. При этом аресты и публичная казнь представителями ХТШ членов ячеек «Исламского государства» (запрещена в РФ) стоит рассматривать как расправу над конкурентами, а не попытку обезопасить население. Установленный аль-Джулани режим террора действует не только внутри собственной группировки, где выискивают зачастую мнимых агентов «Аль-Каиды», ИГ или режима Асада, но и на подконтрольных территориях: боевики ХТШ причастны к убийствам активистов и похищениям гражданских лиц с целью выкупа. В итоге население провинции, за исключением нескольких анклавов, еще находящихся под контролем умеренной оппозиции, постепенно превращается в заложников ХТШ и группировок, связанных с «Аль-Каидой». Радикальным элементам не только удалось проникнуть и закрепиться в сирийском революционном движении, но и в конце концов «возглавить» его, что не может не радовать пропагандистов, которые утверждают, что «арабскую весну» вдохновили западные спецслужбы, а все происходящее в Сирии – якобы лишь заговор и противостояние Дамаска террористам.

Однако с учетом стремления Анкары в первую очередь ослабить курдские отряды YPG, недоверия среди участников астанинского процесса и стремления режима максимально ослабить умеренную оппозицию под предлогом борьбы с радикалами, не исключено, что «Аль-Каида» все-таки получит возможность создать «тихую гавань» в зонах, подконтрольных оппозиции. Тем не менее при укреплении позиций умеренных повстанцев и учете их голосов в политическом процессе ресурсы «тихой гавани» будут сильно ограничены, и она не сможет проецировать свои силы за пределы Сирии.

Фактически с конца 2017 г. ХТШ проводила целенаправленную политику по разбавлению радикальной идеологии структуры и, очевидно, специально бросала на убой отряды, состоящие из ориентированных на «Аль-Каиду» радикалов, поэтому среди них сформировалось довольно скептическое отношение к руководству ХТШ. Некоторые радикальные группы, которые до сих пор взаимодействуют с ХТШ (например, Катибат аль-Гураба или мелкие отряды боснийцев), давали группировке присягу лишь на участие в боях, а сами же получают приказы напрямую от руководства «Аль-Каиды». Например, известно, что Исламская партия Туркестана подчиняется своему эмиру в Афганистане. Тем не менее из-под «крыла» ХТШ такие группы не выходят из-за опасений ареста или уничтожения. В итоге альянс ХТШ лишен внутреннего единства, и по-прежнему сохраняется возможность его дополнительного раскола. Одна часть структуры продолжает тяготеть к идеологии «Аль-Каиды». Более того, она считает возможным если не восстановить в полной мере связи с ней, то стать самостоятельной организацией «мирового джихада». Данная группа ориентируется на подход известного джихадистского идеолога из Иордании Абу Мухаммада аль-Макдиси и его концепции «джихад аль-нукба», хотя за последнее время его авторитет [заметно упал](#). Другая фракция (условно «сирийская», т.е. местная) внутри ХТШ стремится отойти от радикализма и постепенно «легализоваться», превратившись в подобие «сирийского Талибана». Она связана с идеологией другого известного «теоретика джихада» Абу Катады аль-Филистини и его концепцией «джихада уммы», предусматривающей возможность заключения мирных соглашений с противниками. То есть эта часть ХТШ может, например, добиваться признания «правительства спасения», обещать исключение одиозных лидеров и провести ребрендинг структуры в сторону военного крыла гражданской администрации. В то же время лидер ХТШ Абу Мохаммед аль-Джулани вряд ли согласится покинуть структуру, тем более что она постепенно трансформировалась и подстраивалась непосредственно под него.

Российско-турецкое сотрудничество в сфере дерадикализации

Очищение региона от ХТШ – крайне сложная задача: ликвидация группировок и сдерживание ситуации при организованном подполье потребует достаточно серьезных ресурсов, в том числе серьезного участия спецподразделений. Поэтому не исключено, что решение идлибского вопроса сведется к некой совместной российско-турецкой операции с созданием гуманитарной зоны безопасности вдоль турецко-сирийской границы. Возможно, потребуется заморозить ситуацию на неопределенный период, в течение которого ХТШ попытается трансформироваться в якобы «приемлемую» структуру и организовать в Сирии подобие «тихой гавани». Как показала практика «арабской весны», эксперимент по «джихадистскому госстроительству» обречен на неудачу, если слишком сильно расширить военное и идеологическое влияние на территории.

Проблема в том, что подобные «гавани» могут и дальше использоваться более мелкими структурами, связанными с международными джихадистскими группами. Выход, который устроил бы Турцию и не разрушил бы фронт сопротивления Асаду, состоит в продолжении

ударов БЛА по одиозным лидерам, точечных операциях спецназа, маскирующегося под определенную группу в составе ХТШ или мифическую фракцию (вроде [Катаиб Хаттаб аш-Шишани](#)). С одной стороны, удары авиации международной коалиции во главе с США по боевикам Хурас ад-Дин с опаской воспринимаются в Москве – это вносит раздрой в официальную российскую пропаганду о роли Вашингтона в сирийском конфликте и способствует американо-турецкому взаимодействию, которое Москва хотела бы усложнить. С другой, это позволяет России вести реальный и предметный диалог по борьбе с терроризмом с США и отождествлять себя с частью глобальной антитеррористической коалиции. Официально на вооружении ВС России не стоят ударные беспилотники, поэтому удары ее штурмовиков всегда будут носить «ангажированный характер», а передача координат турецкими военными российским восприниматься как информирование Асада. Возможным выходом из ситуации могло бы стать решение неафишируемо создать некую оперативную комнату с участием российских и турецких спецслужб, которые бы намечали цели и ликвидировали бы их в режиме «онлайн».